

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.40.30.014

Культурная память: политика идентичности и формирование идентичности жертвы

Благородова Елена Александровна

Кандидат философских наук, докторант,
доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: eablagorodova@sfnu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00581.

Аннотация

Статья посвящена анализу современной культуры. Культурная память как основной элемент сохранения культуры и формирования позитивного образа будущего рассматривается под другим ракурсом. Затрагивается вопрос политических игр, в которых образы и символы прошлого могут использоваться с целью конструирования идентичности жертвы. Поднимается проблема исследования политики идентичности в современной культуре. Делается предположение о том, что вектор этой политики изменяется. Сегодня она направлена не на преодоление социальных барьеров, как это было ранее, а на получение признания. Идентичность жертвы становится конструктом, который активно используется на политической арене. Однако само понятие идентичности жертвы сегодня нуждается не только в политических или психологических исследованиях. Делается акцент на культурологической составляющей этого понятия. Проводится анализ данной ситуации, а также делаются выводы о направлениях для дальнейших исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Благородова Е.А. Культурная память: политика идентичности и формирование идентичности жертвы // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 125-132. DOI: 10.34670/AR.2020.40.30.014

Ключевые слова

Культурная память, культура, общество, жертва, идентичность, политика идентичности.

Введение

Исследования проблемы мемориальной культуры приобретают особую актуальность в современном мире. Культурная память как ее основа является важным элементом конструирования идентичности. Она важна при построении как собственной (индивидуальной) идентичности, так и коллективной для того, чтобы осознавать себя членом той или иной группы. Культурная память воплощается в различных объектах и является особым маркером, который помогает группе сохранить общий смысл, единство [Heller, 2001]. Она является важнейшим элементом сохранения культуры и основной стратегией формирования позитивного образа будущего.

Культурная память включает в себя не только памятники прошлого. Она отражается и в разнообразных современных культурных практиках (обрядов, фестивалях и т. д.). Кроме того, она связывает людей с определенными местами.

Однако некоторые исследователи считают, что современное гражданское общество может функционировать и без мемориальной культуры. Оно организуется на принципах сотрудничества и ориентировано на интересы будущего. Но если это так, можем ли мы забыть о прошлом? Какова роль культурной памяти в современном обществе?

В культуре постмодерна, лишенной четких норм и правил, культурная память дает единственный устойчивый и постоянный ориентир, так как она основана на чувствах. Но обилие политических мифов дает иногда ложные представления об истории, которые умело используются в политической борьбе. В этом ключе обращение идет не к культурным достижениям народа в предыдущие эпохи, а к той или иной культурной травме народа в прошлом, тем самым создается основа для формирования идентичности жертвы. Для этого используются как регулярные культурные практики, напоминающие о тех или иных печальных событиях, так и сами культурные продукты, такие как кино, книги, театральные постановки и т. д. [Bar-Tal et al., 2009]. Это приводит к укреплению чувства виктимизации. В этом случае обращение к коллективной памяти может представлять реальную угрозу для государства.

Почему же современное общество так легко соглашается на роль жертвы? В чем причина конструирования подобной формы идентичности? Возможно ли формирование позитивного образа будущего на основе культурной памяти?

Постановка проблемы. Идентичность жертвы

Дискуссии вокруг понятия «жертва» ведутся очень давно. В современной культуре «жертва» становится сложным объектом изучения, для которого недостаточно юридических и психологических исследований [Arfman et al., www]. Именно поэтому категория «жертва» сегодня нуждается в культурологическом анализе. Само правовое поле этого понятия коренится в культурных традициях и практиках, да и именно процессы развития современной культуры приводят к его актуализации.

Интересен тот факт, что в предыдущие эпохи «жертвы» пытались скрывать свой статус. Ш.Ф. Колб, профессор права юридической школы Корнелла (США), указывает на тот факт, что угнетенные, больные, бедные, униженные или обиженные кем-то (угнетателем) жертвы скрывали это, потому что боялись насмешек и издевательств со стороны других [Colb, www]. Признание статуса «жертвы» было равно стыду и унижению. Конечно, несколько иное прочтение имела религиозная жертва, которая воспринималась как нечто священное. Но если

же говорить о повседневных практиках, то главное отличие в современной культуре заключается в том, что за каждой «жертвой» стоит конкретный человек (группа). Жертва желает, чтобы ее знали, чтобы о ней говорили, чтобы ее поняли, иными словами, она нуждается в социальном признании своего статуса.

Понятие идентичности является интерсубъективным. Для ее подтверждения всегда нужен Другой. Именно поэтому сегодня мы говорим не просто о статусе «жертвы», а именно об идентичности. Используя этот термин, мы имеем в виду не некие общие особенности вида (группы), речь идет о специфике отношений между разными группами. Сегодня они коренятся в представлении о каком-то неоплаченном долге – отсюда формирование отношений жертвы и угнетателя (преступника) [Mitchell, www]. Когда мы говорим о представителях двух народов просто как о представителях разных видов (групп, коллективов, наций и т. д.), проблемы нет. Но когда мы имеем в виду отношения между ними, особенно если это две враждебные нации, то тут и происходит разделение на невинную жертву и виновника (преступника).

Категории, которые лежат в основе формирования культурной идентичности, приобретают политическую окраску. Для такой идентичности обязателен не просто Другой, подтверждающий эту идентичность. Нужен враг, который будет являться объединяющей чертой. Такое социально-политическое построение идентичности является мощным политическим инструментом, с помощью которого можно оправдать любые акты насилия [Enns, www].

Опасность этой ситуации в том, что каждый представитель нации-угнетателя будет восприниматься как враг. На него изначально будет повешен соответствующий ярлык, основанный на признании акта насилия в прошлом. Страдания привлекают больше внимания в современном мире, а жертвы требуют признания и расширения своих прав. В итоге «жертвы» получают права, а «преступники» должны соглашаться с этим.

Дж. Митчелл, профессор политической теории в Джорджтаунском университете (США), пишет, что каждый сегодня стремится «каталогизировать» свои раны, так как все права принадлежат невинным [Mitchell, www]. Речь идет не о реальных жертвах, а скорее о политике виктимности, когда идентичность жертвы конструируется специально, с целью получения выгоды, а также становится орудием, используемым в политических целях.

Таким образом, изучение идентичности жертвы в культурологическом контексте должно проводиться с учетом следующих сложностей.

- 1) Практика виктимизации. При рассмотрении вопроса идентичности жертвы следует включать в поле исследования культурную практику виктимизации. Речь идет об анализе символов, арт-практик, военных граффити, фестивалей и т. д. Через них могут строиться и реконструироваться идеи виктимности. Для каждого конкретного случая нужны свое определение жертвы и своя методология исследования.
- 2) Политика жертвы. Жертва всегда включена в определенные культурные практики. При анализе ситуации нужно учитывать разные позиции, а также саму политику жертвы, которая сформирована этими практиками.
- 3) Сферы виктимности. Разные культуры по-разному относятся к жертвам. Одни заставляют их молчать, в то время как другие предоставляют им особые права. Жертва переживается не только через культурные практики. Понятие жертвы всегда имеет отношение к той или иной сфере культуры. Очень часто происходит наложение или столкновение этих культурных сфер.
- 4) Жертва и место. Стоит учитывать тот факт, что политика жертвы – это всегда политика

места. Например, если происходит забастовка студентов, то местом действия будет университет, если забастовка рабочих – завод и т. д. От места действия будет зависеть и характер анализа. Речь идет о локальных акциях или о глобальном событии.

- 5) Жертва и власть. Речь идет о той силе, которую имеет власть по отношению к жертве. Также анализу должны подвергаться те властные структуры, которые имеют отношение к политике идентичности [Arfman et al., www].

Политика идентичности и идентичность жертвы

Понятие «политика идентичности» чаще используется в западных исследованиях. Она зародилась в 1960-1970 гг. и была связана с борьбой угнетенных за свои права.

Идентичность не является данностью, она социально конструируется. Кроме того, в современном мире она не является устойчивой категорией, она пластична и изменчива. Сегодня идентичность чаще всего становится дискурсом меньшинства, которое отстаивает свои права, будь то феминизм, расизм или однополые браки. Такая идентичность является защитой от нападков и ущемлений.

Доктор Д. Энс из университета Макмастер (Канада) анализирует формирование политики идентичности. Она пишет о том, что в мире всегда есть бинарные оппозиции «жертва» и «преступник». Такой мир можно представить как мир кошек и крыс. Для крысы кошка – злейший враг. Ее не пугают ни тигры, ни львы, ни даже слоны. В то же время для кошки самой вкусной едой является крыса. Когда кошек много, а крысы в меньшинстве, миром правят кошки. При этом крысы превращаются в дискриминируемое меньшинство по расовому, этническому или какому-то другому признаку. Если же крысам удастся победить кошек, то мировоззрение крысы меняется. В этом случае уже кошки становятся угнетенными, а крысам нужно научиться жить в новом мировом порядке [Enns, www].

Идентичность жертвы становится важным направлением развития политики идентичности. Используя культурную память, призывая к могуществу прошлого или напоминая о старых обидах, политики ведут собственную игру. Это наиболее отчетливо прослеживается на примере этнических конфликтов.

Д. Энс пишет, что этническая идентичность также является социально-политическим конструктом. Этнополитические конфликты основаны на праве сохранения своей идентичности, поэтому привычные механизмы урегулирования недостаточны. Сила этнической идентичности кроется в абсолютной принадлежности к группе. При этом чувство принадлежности всегда возрастает при опасности или угрозе. Получается, что чувство этнической идентичности основано на сопротивлении другому. Именно поэтому ее часто используют как мобилизацию в политических целях.

Следует различать этничность как культурную идентичность, в основе которой лежит представление об общей культуре (такая идентичность конструируется добровольно и разделяется всеми членами коллектива), и этничность как политическую идентичность, которая навязывается политической властью и ее правовыми и административными институтами. Опасность в данном случае заключена в том, что жертвенность всегда оправдывает насилие. Переход из жертвы в преступника и обратно в жертву практически незаметен.

Д. Энс считает, что сложность возникает в случае каких-либо насильственных конфликтов. Когда речь касается коллективной вины, получается, что виноваты все, т. е. никто. Идентичность, основанная на жалобах, является достаточно спорной конструкцией. В случае

вооруженного конфликта сложно определить, кто будет являться жертвой, а кто – преступником. Границы между «жертвой» и «преступником» размываются [Jacoby, 2014].

Знаменитый треугольник Карпмана представляет нам три роли: жертва, спасатель и угнетатель. Сегодня мы можем спокойно изменять свою роль в этом треугольнике. И вот тогда «жертвы» становятся инструментами политики или политическим товаром. Главный козырь такой борьбы – это сочувствие. Жертве не нужно демонстрировать свою силу. Наоборот, ей важно показать свое маргинальное положение. А главная задача политики – найти и наказать угнетателя, чтобы защитить жертву.

Д. Грин, директор британского аналитического центра «Civitas», считает, что статус жертвы – это оправдание себя за несоблюдение того, что ты требуешь от других. Кроме того, он называет одной из причин популярности статуса жертвы «ошибочное сострадание». Подобно тому как жертвы получают популярность и признание, общественность, которая их поддержала, также получает от этого определенную выгоду. Так публичные демонстрации сострадания, ношение знаков отличия, всевозможные флешмобы в поддержку жертв – все это также привлекает внимание публики [Green, www].

Таким образом, сегодня проблема политики идентичности больше не направлена на преодоление политических или социальных барьеров. Теперь она направлена на получение признания и уважения [Furedi, www]. Только страдание привлекает внимание большинства, а значит, может стать основой единения нации. Сегодня в этой борьбе важно показать, кто именно борец, да и сама политика идентичности приобретает характер индивидуальности. Быть жертвой в современной культуре – значит иметь особый политический статус, который не имеет отношения к реальному физическому угнетению [Green, www]. Из обезличенной жертва превращается в конкретную. Интернет становится ареной, в которой каждый человек может найти основания для идентичности жертвы [Bartlett, www]. Кроме того, появляются такие формы, как интернет-троллинг (социальная провокация в сети), кибербуллинг (травля и угрозы в сети), а также существует проблема кражи личных данных в сети и т. д.

Дж. Снайдер, доктор Пенсильванского университета (США), указывает на три аргумента против политики виктимности. Во-первых, заявлять о статусе жертвы – не лучшее средство оправдания своих поступков и действий. Во-вторых, старые обиды мешают гармонизации политических отношений. В-третьих, основываясь на обидах прошлого, практически невозможно построить успешное будущее [Snyder, 2008].

Таким образом, основная задача заключается в том, чтобы отказаться от идентичности жертвы ради формирования идеи позитивного будущего, в противном случае сама человеческая солидарность, как пишет Фрэнк Фуреди, становится жертвой политики идентичности.

Политика идентичности сегодня становится политикой жертвы. Обращение к культурной памяти активно используют политики для достижения своих целей. Наклеивая на себя ярлык жертвы, человек (народ) получает права и превосходство, сочувствие и признание, к которому он так стремится. Кроме того, он получает моральное превосходство. В современном мире, в котором человека окружают бесконечные пустые сущности, единственно подлинным являются только чувства. Статус жертвы превращается в характеристику идентичности.

Можно выделить следующие негативные последствия коллективной идентичности жертвы.

- 1) Менталитет осады. Очень часто последствием подобной идентичности является появление чувства недоверия к окружающим, чувства неприязни к другим культурам, а также веры в то, что кто-то может навредить развитию государства. Такая линия была выбрана в СССР.

- 2) Идентичность жертвы. В данном случае речь идет о коллективной идентичности, в основе которой находится чувство виктимности.
- 3) Эгоцентризм и отсутствие эмпатии. Жертва всегда сосредоточена на себе и своих проблемах. Когда это касается коллективного чувства, то мы наблюдаем отсутствие сопереживания по отношению к другим.
- 4) Снижение чувства вины. В этом смысле поведение и поступки жертв изначально являются оправданными, так как их действия трактуются как оборонительные и защитные.
- 5) Моральное право. Все жертвы считают, что имеют особые привилегии за свои страдания. Поэтому поведение таких жертв не подлежит моральной оценке со стороны других.
- 6) Агрессивные реакции. Статус жертвы позволяет агрессивно реагировать на те или иные события, которые имеют отношения к страданиям жертвы. Происходит моральное оправдание любых агрессивных поступков.
- 7) Рационализация аморальных поступков. Если жертва не подлежит моральной оценке, то она имеет право реагировать на реальные или мнимые угрозы так, как считает нужным, снимая со своих поступков печать ответственности и вины.
- 8) Циклы от «жертвы» к «жертве». Если жертва имеет право вести себя аморально, то это приводит к круговороту событий. В результате происходит постоянная смена «жертвы» и «преступника». Такую ситуацию мы можем наблюдать внутри конфликтов Израиля и Палестины или Армении и Азербайджана по поводу Нагорного Карабаха [Bar-Tal et al., 2009].

Заключение

Политическая солидарность сегодня, по нашему мнению, может родиться только в новых условиях, не основанных на этнических, национальных, религиозных или иных культурных отличиях. Для это жертвы должны отказаться от этого статуса, а значит, и от признания своего статуса, а также от желаемого возмездия. В этом случае мы можем говорить о формировании позитивных стратегий развития будущего.

Библиография

1. Arfman W., Mutsaers P., Van der Aa J., Hoondert M. The cultural complexity of victimhood. URL: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_163_Arfman-Mutsaers-VdrAa-Hoondert_2.pdf
2. Bar-Tal D., Chernyak-Hai L., Schori N., Gundar A. A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts // *International review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 874. P. 229-258.
3. Bartlett J. The dangerous allure of victim politics. URL: <http://littleatoms.com/society/dangerous-allure-victim-politics>
4. Colb S.F. Breaking down “identity politics”. URL: <https://verdict.justia.com/2019/04/24/breaking-down-identity-politics>
5. Enns D. Identity and victimhood questions for conflict management practice. URL: <https://reliefweb.int/report/world/identity-and-victimhood-questions-conflict-management-practice>
6. Furedi F. The hidden history of identity politics. URL: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/>
7. Green D.G. We’re (nearly) all victims now! How political correctness is undermining our liberal culture. URL: <http://www.civitas.org.uk/pdf/Victims.pdf>
8. Heller A. Cultural memory, identity and civil society // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2001. Nr. 2. S. 139-143.
9. Jacoby T.A. A theory of victimhood: politics, conflict and the construction of victim-based identity // *Millennium: journal of international studies*. 2014. Vol. 43. No. 2. P. 511-530.
10. Kim Y.Y. Ideology, Identity, and intercultural communication: an analysis of differing academic conceptions of cultural identity // *Journal of intercultural communication research*. 2007. Vol. 36. No. 3. P. 327-353.
11. Mitchell J. Why Conservatives struggle with identity politics. URL:

<https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/why-conservatives-struggle-with-identity-politics>

12. Snyder J. An introduction to trauma and politics: victimhood, regret, and healing // *Amalgam*. 2008. Vol. 2. No. 1. P. 15-37.

Cultural memory: identity politics and victim identity formation

Elena A. Blagorodova

PhD in Philosophy, Doctoral Student,
Associate Professor at the Department of theory of culture, ethics and aesthetics,
Southern Federal University,
344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: eablagorodova@sfnu.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of modern culture. Cultural memory as the main element of the preservation of culture and the creation of a positive image of the future is considered from a different perspective. The article makes an attempt to study the issue of political games in which images and symbols of the past can be used to construct victim identity. It deals with the problem of studying identity politics in modern culture, and assumes that the vector of the politics is changing. Today, it is not aimed at overcoming social barriers, as it was before, but at gaining recognition. The article pays special attention to the fact that the victim identity becomes a construct that is actively used in the political arena. However, the very concept of victim identity today needs more than just political or psychological research. The emphasis is placed on the cultural component of this concept. Having considered cultural memory as the main element of the preservation of culture and the creation of a positive image of the future and carried out an analysis of the situation, the author of the article comes to some conclusions about the directions for further research.

For citation

Blagorodova E.A. (2020) Kul'turnaya pamyat': politika identichnosti i formirovanie identichnosti zhertvy [Cultural memory: identity politics and victim identity formation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 125-132. DOI: 10.34670/AR.2020.40.30.014

Keywords

Cultural memory, culture, society, victim, identity, identity politics.

References

1. Arfman W., Mutsaers P., Van der Aa J., Hoondert M. *The cultural complexity of victimhood*. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/sites/default/files/download/TPCS_163_Arfman-Mutsaers-VdrAa-Hoondert_2.pdf [Accessed 07/08/20].
2. Bar-Tal D., Chernyak-Hai L., Schori N., Gundar A. (2009) A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts. *International review of the Red Cross*, 91 (874), pp. 229-258.
3. Bartlett J. *The dangerous allure of victim politics*. Available at: <http://littleatoms.com/society/dangerous-allure-victim-politics> [Accessed 07/08/20].
4. Colb S.F. *Breaking down "identity politics"*. Available at: <https://verdict.justia.com/2019/04/24/breaking-down-identity-politics> [Accessed 07/08/20].
5. Enns D. *Identity and victimhood questions for conflict management practice*. Available at:

-
- <https://reliefweb.int/report/world/identity-and-victimhood-questions-conflict-management-practice> [Accessed 07/08/20].
6. Furedi F. *The hidden history of identity politics*. Available at: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/> [Accessed 07/08/20].
 7. Green D.G. *We're (nearly) all victims now! How political correctness is undermining our liberal culture*. Available at: <http://www.civitas.org.uk/pdf/Victims.pdf> [Accessed 07/08/20].
 8. Heller A. (2001) Cultural memory, identity and civil society. *Internationale Politik und Gesellschaft*, 2, S. 139-143.
 9. Jacoby T.A. (2014) A theory of victimhood: politics, conflict and the construction of victim-based identity. *Millennium: journal of international studies*, 43 (2), pp. 511-530.
 10. Kim Y.Y. (2007) Ideology, Identity, and intercultural communication: an analysis of differing academic conceptions of cultural identity. *Journal of intercultural communication research*, 36 (3), pp. 327-353.
 11. Mitchell J. *Why Conservatives struggle with identity politics*. Available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/why-conservatives-struggle-with-identity-politics> [Accessed 07/08/20].
 12. Snyder J. (2008) An introduction to trauma and politics: victimhood, regret, and healing. *Amalgam*, 2 (1), pp. 15-37.